

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20–18–00240).

Литература и источники

1. Боянич, П. Насилие и мессианизм / П. Боянич. – Екатеринбург – М.: «Кабинетный ученый», 2018. – 224 с.
2. Ерофеев, Н. С. Священники на фронтах Великой Отечественной / Н. С. Ерофеев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://proza.ru/2015/11/06/2403>. – Дата доступа: 27.02.2021.
3. Оссовская, М. Рыцарь и Буржуа / М. Оссовская. – М. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 525 с.
4. Терешина, О. В. Православная церковь в годы Великой Отечественной войны / О. В. Терешина // Вопросы истории. – 2014. – Вып. 6. – С. 147–159.

«ВОСТОРГ, КОТОРЫЙ СОЛДАТ ИСПЫТЫВАЕТ НА ВОЙНЕ»: ОДИН ЭПИЗОД РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904–1905 ГГ. ГЛАЗАМИ БРИТАНСКОГО ВОЕННОГО ЖУРНАЛИСТА

А. С. Луньков

Опыт британского военного журналиста ирландского происхождения Френсиса Маккалага (Francis McCullagh, 1874–1956) по освещению Русско-японской войны 1904–1905 гг. является показательным в плане анализа дискурса, в котором выражаются эмоции и переживания автора, его индивидуальный опыт войны. Остановимся на одном из эпизодов его работы в Манчжурии – участие в так называемом «рейде Мищенко» (в отечественной литературе «набег на Инкоу»). Этот рейд бы операцией русских кавалерийский (прежде всего казачьих и горских) частей под командованием генерала П. И. Мищенко, который предполагал вторжение в глубокий тыл японской армии в Манчжурии с целью разгрома ее баз снабжения и нарушения железнодорожного сообщения на участке Ляохэ – Порт-Артур. Ф. Маккалаг был аккредитован при русской армии и пользовался определенной степенью свободы действий, часто нарушая правила работы и требования цензоров [1, с. 88].

Необходимо отметить, что в описании своего участия в «рейде Мищенко» Маккалаг пользуется несколькими дискурс-моделями, с помощью которых он стремится донести свой опыт войны до читателя. Первая из этих моделей это «дискурс Античности». Когда автор описывает состав разнородных сил, подчиненных генералу Мищенко, он сетует, что «Когда я пытаюсь составить перечень различных сил, из которых он [отряд Мищенко – *прим. А. Лунькова*] состоит, я чувствую желание, подобно Гомеру, призвать дочерей Юпитера помочь мне, поскольку я сам по себе не в состоянии отдать должное столь обширному предмету» [2, р. 164].

Прямая отсылка ко второй песне «Илиады», где перечисляются все вожди ахейцев, сразу настраивает читателя на нужный лад. Так как изучение древнегреческой литературы, особенно Гомера, было обязательным в рамках европейского образования, автор одной фразой вызывает массу коннотаций: русский отряд превращается в огромное многонациональное войско, обычная кавалерийская операция приобретает масштаб эпического противостояния и т. д. В других местах описания этого похода Маккалаг прибегает к следующим элементам «дискурса Античности»: «описание сигнальных костров, которые принесли в Аргос известие о падении Трои» [2, р. 173], к казакам применимо то, «что Тацит говорил о сарматах» [2, р. 182] и т. д. Тем самым автор пытается и весьма успешно апеллировать к понятным европейскому сознанию мотивам. Перечень исторических мотивов дополняется упоминанием походов Суворова, Наполеоновских войн, походов Чингисхана и т. д., то есть всего того, что в европейском общественном мнении может ассоциироваться с русской военной угрозой.

Есть в дискурсе Ф. Маккалага и специфически британские элементы. Наверное ключевым фрагментом описания рейда Мищенко является следующий: «Когда наши сильные свежие лошади скакали под нами по бескрайней равнине, я впервые начал понимать восторг, который солдат испытывает на войне» [2, р. 174]. И далее, в качестве развития темы автор пишет: «Как времяпрепровождение, совершаемое ради самого себя, война – в том виде, что давал нам тогда старый Мищенко – оставляет далеко позади охоту на лис. В обоих случаях вам предстоит тяжелая верховая езда, свежий воздух и великолепные просторы страны; но на войне у вас острая пикантность опасности, и, даже если вы не воин, опьяняющее чувство силы, без которого поездка по стране всегда будет казаться вам салатом без уксуса, яйцом без соли» [2, р. 174–175]. Подобный дискурс романтически-аристократического восприятия войны имеет некоторые свойства психологической природы. Во-первых, ощущение силы немедленно пропадает, как только ты лишаешься коня. «Пехотный» взгляд на войну психологически принципиально иной. Пехотинец не может быстро скрыться от войны, оказавшись в боевой ситуации, он может только участвовать в ней до ее завершения. Попытки к бегству предпринять можно, но их успешность под большим вопросом. Во-вторых, подобный взгляд на войну «блокирует» восприятие ее ужасов. Полным антиподом двух приведенных выше цитат является описание Маккалагом мертвых хунхузов: «я видел только два трупа, оба трупа китайцев, одетых как хунхузы, которых мы убили во время набега Плаутина, и в них нет ничего примечательного» [2, р. 176]. В них нет ничего примечательного. Вражеский солдат становится предметом, автоматом, который может совершать какие-то действия и который ломается под напором нашей боевой силы.

Таким образом, передача личностного опыта войны структурируется некоторыми элементами дискурса, которые должны обеспечить единство восприятия и интерпретации. Отсылки к Античности должны работать на широкий круг европейских читателей, получивших классическое образование в школе. Романтически-аристократический взгляд на войну как интересное времяпрепровождение ориентирован на высшие слои британского общества.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00240).

Литература и источники

1. Мамонова, Ю. О. Цензоры и военкоры в Маньчжурии в 1904–1905 гг.: трудности взаимодействия / Ю. О. Мамонова // Исторический курьер. – 2019. – № 6 (8). – С. 86–94.
2. McCullagh, F. With the Cossacks. Being the Story of an Irishman who rode with the Cossacks throughout the Russo-Japanese war / F. McCullagh. – London: Eveleigh Nash, 1905. – 392 p.

АРМЯНСКИЕ ВОЙСКА НА СЛУЖБЕ ВИЗАНТИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЯ МАВРИКИЯ (582–602): ПОИСК АЛЬТЕРНАТИВ В УСЛОВИЯХ КОНФЛИКТА С ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЛАСТЬЮ

А. Д. Назаров

По условиям мирного договора 591 г. Византия получила от Ирана большую часть Армении. С этого момента представители армянской родовой аристократии (нахарары) были обязаны служить не иранскому шаханшаху, а другому суверену – восточноримскому правителю. Однако новая социально-политическая реальность устраивала далеко не всех нахараров, поскольку многие из них были отправлены на Балканский полуостров, находившийся вдали от их родины. Помимо депортационной политики, ситуацию усложняло то, что Маврикий стремился склонить армян к принятию Халкидонского Символа веры [1, с. 49–50].

Реакция нахараров на эти события была различной. Некоторые из них вполне успешно адаптировались к переменам, поскольку обрели существенные выгоды, сотрудничая с Восточной Римской империей. Речь идет, в частности, о семействе Мамиконянов, которое имело тесные связи с Византией и нередко поддерживало ее в конфликтах сначала с Ираном, где правили Сасаниды, а позднее с Арабским халифатом [1, с. 43, 47–50; 2].

Тем не менее известны многочисленные случаи неповиновения армян императору. Немало нахараров бежало из империи в Иран. Шаханшах Хосров II Парвиз, зная об упомянутых разногласиях, старался